

ЭЛИТОЛОГИЯ КАК РОССИЙСКАЯ ИННОВАЦИЯ

Г.К. Ашин¹

(Россия, Москва)

Аннотация. *Статья посвящена анализу современного состояния элитологической науки. Элитология рассматривается автором как сугубо российская инновация, не имеющая западных аналогов, способная оказать заметное влияние на модернизацию современной России.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of contemporary condition of elitological science. Elitology is considered by the author as extremely Russian innovation without its western analogies, which is capable to render serious impact on the present-day Russian modernization.*

Ключевые слова: *элита, аристократия, элитология, социология элиты, философия элиты, власть, иерархия.*

Key words: *elite, aristocracy, elitology, sociology of elite, philosophy of elite, authority, hierarchy.*

Наш Президент говорит о модернизации и инновациях как магистрального пути развития нашей страны. Модернизация и инновационная политика, разумеется, дополняют друг друга. Но думается, следует сказать и о их различии. Модернизирующая экономика часто является догоняющей моделью. Она копирует лидеров и может привыкнуть к этому. Инновационная стратегия требует гораздо больше креативности, интеллекта, готовности совершить скачек вперед. А в качестве примера можно использовать развитие российской элитологии. Полвека назад это была периферия мировой элитологии. О российской властной элите можно было узнать из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов. Ныне российская элитология по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит, но и по элитологической регионалистике, где мы вышли на одно из первых мест в мире, по истории элитологии, ряду общетеоретических проблем элитологии и др.

Элитология тесно связана с российской школой элитологии. Сам термин «элитология» – российская новация. Он введен в научный оборот в 1980-х гг. и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 1990-х гг., когда был опубликован ряд работ по этой проблематике. Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин «elitology» режет слух людям, для которых английский язык является родным. Не случайно они предпочитают термин “political science” политологии и “cultural studies” – культурологии. Впрочем, мы отнюдь не цепляемся за термин². Как говорится в русской пословице, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

¹ Ушел из жизни выдающийся русский ученый, патриарх российской элитологии, основоположник элитологической российской школы **Геннадий Константинович АШИН** (21.10.1930 – 05.01.2011). Для всех элитологов России это большая и невосполнимая утрата. Редакция журнала намечала цикл его публикаций, но, к сожалению, данная статья оказалась последней и посмертной, как дань памяти и уважения к его творчеству.

² Во всяком случае, автор хотел бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж. Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. он использовал термин “elitology”.

Автор данной работы посетил более 15 университетов США, Великобритании, ФРГ и других стран, во многих из них выступал с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: «Социология элиты» на социологических факультетах и «Политические элиты» – на политологических. В первых же лекциях приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит – лишь часть элитологии, пусть весьма важная. В самом деле, разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования – элиту – как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного наставляет элитология, в частности, российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология», его значения нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие, всего лишь момент, пусть даже узловое понятие определенной концепции. Элитология – наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо от того, является ли он апологетом, певцом элиты или критиком общества, нуждающегося в элите для своего управления и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине (признаюсь, что я часто сам ее провоцировал). Характерны и небезынтересны возражения западных коллег против самого термина «элитология» и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: «Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней – латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности». Я отвечал, что с этим аргументом можно согласиться, что я с большим удовольствием ввел бы термин «аристология», где оба корня были бы греческими, что греческое *aristos* представляется мне более предпочтительным, чем имеющее латинский корень «элита». Но все дело в том, что термин «элита», введенный в научный оборот В. Парето, является устоявшимся, прочно утвердившимся в науке, а термин «аристология» внес бы еще большую путаницу и в без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал: «Плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин» – и призвал опереться на слова знаменитого средневекового схоласта У. Оккама о том, что «не следует умножать сущности». Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью: философ говорил о том, что «не следует умножать сущности без особой на то надобности». А тут именно тот случай, когда существует «особая надобность». Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от неквалифицированных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющих своим предметом ту или иную элиту, тот или иной аспект исследования элит. Курс «Теории элит» обычно носит лишь исторический характер. Весьма интересный курс «Элитизм», читаемый Л. Филдом и Дж. Хигли (и книга с таким же названием), анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может претендовать на цело-

стный анализ элитологии). Не могут нас удовлетворить и элитаристские концепции в духе Ф. Ницше и Х. Ортеги-и-Гассета хотя бы потому, что все они безоговорочно принимают дихотомию «элита – масса» как аксиому, как норматив цивилизованного общества, игнорируя возможность изучения и интерпретации феномена элиты исследователями, исходящими из эгалитарной парадигмы и считающими наличие элиты вызовом демократии, оставляя в стороне возражения против увековечивания этого деления как неисторического подхода к самому факту существования элиты.

Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс «Политическая элита». Нужно отметить, что подавляющее большинство современных исследователей признают плюрализм элит (политической, экономической, религиозной, культурной и т.д.). Но если в каком-либо контексте понятие «элита» используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите. Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты (что, по нашему мнению, скорее плохо, чем хорошо, ибо по умолчанию предполагает примат политической элиты). Нам же представляется более справедливым, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Христу, Канту, Эйнштейну.

В советской научной литературе термин «элита» впервые вводится во второй половине 1950-х гг. Вводится, так сказать, через «черный ход», а именно – через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (насквозь идеологизированный жанр). Иначе говоря, речь могла идти лишь об элитах в капиталистических странах, причем в негативном контексте. Известно, что в советское время элитологическая проблематика применительно к анализу социальных отношений в нашей стране была табуирована. Официальная идеология утверждала, что в СССР нет эксплуатации человека человеком, следовательно, нет и не может быть господствующего эксплуататорского класса, нет и не может быть элиты. Это было ложью: при советской власти существовала высшая социальная страта (а элиту можно рассматривать как высшую страту в системе социальной стратификации), выполнявшая управленческие функции, обладавшая институциональными привилегиями, т.е. всеми атрибутами элиты, пусть элиты весьма специфической. Любой господствующий класс идеологически оправдывает и обосновывает свое господство. Советская элита, этот «новый класс», пошла дальше, скрывала само свое существование, в советской идеологии этого класса не существовало. Считалось, что в СССР были только два дружественных класса – рабочие и колхозники, а также прослойка интеллигенции. И особенно тщательно эта элита скрывала свои привилегии: спецраспределители, спецжилы, спецдачи, спецбольницы – все это было возведено в ранг государственной тайны.

Но социальная группа, профессионально выполняющая функции управления обществом, не всегда является подлинной элитой, это может быть и квазиэлита.

Мы можем с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнить роль интегратора его интересов, не является образцом высокой морали; эту «элиту» правильнее назвать «*и.о. элиты*», т.е. она выполняет функции элиты, не будучи действительно элитой. Не случайно многие российские социологи и политологи считают, что подлинные элиты у нас не сложились, их заменяют кланы, группировки.

Реальность не совпадает с нормативом. Порой именно для этой страты общества характерна коррупция, злоупотребление властью, использование своего высокого социально-политического статуса для собственной выгоды, вопреки интересам народа. Еще раз вспомним известные слова лорда Эктона: “The power corrupts. Absolut

power corrupts absolutely” (Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно). Увы, это полностью относится и к российской «элите, для которой характерно своекорыстие, коррумпированность, барский образ жизни при нищенском существовании огромной массы населения.

Правление Путина-Медведева не смогло пресечь разгул коррумпированной «элиты» и должным образом стимулировать развитие гражданского общества. Страна переживает упадок в своем развитии, превращаясь в энергетический придаток развитых стран. Опорой российской экономики должна быть не торговля своими сырьевыми ресурсами (что означает ограбление наших потомков), а реализация потенциала великой русской культуры, активизация умственного потенциала россиян. Ядро менталитета русского народа – не мечта о сладкой жизни, а идея справедливости. На вопрос А.Н. Некрасова «Кому живется весело, вольготно на Руси» сегодня можно легко ответить: хорошо живется олигархам и высшему чиновничеству, и плохо – народу. В скандинавских странах коэффициент дифференциации доходов (отношение 10 % самых богатых и 10 % самых бедных) не превышает 3,5–4,5. У нас он зашкаливает за 20. Похоже, у нынешней элиты плохая историческая память. Она забыла уроки трех русских революций XX в. И поныне верны слова: в России две напасти, внизу власть тьмы, вверху тьма власти.

Философские проблемы элитологии. XX в. резко ускорил процесс дифференциации и интеграции наук, передав его, как эстафету, XXI в. Причем новые научные дисциплины все чаще формируются не только как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом, смежных наук (а порой и весьма далеких друг от друга), причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной. Именно такой комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология. Она сформировалась в русле социальной и политической философии, но интегрировала достижения и методы других, смежных дисциплин. Элитология сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитология – сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. Это наука об элитах и элитном, о высшем слое в системе социально-политической стратификации. Являясь меньшинством общества, этот слой играет огромную, порой решающую роль в социальном процессе. Эта роль обуславливается особой важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это – историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты, и если да, то какими методами – вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Но в предельно широком смысле элитология выходит за границы только общественных наук, ее можно рассматривать как науку о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, негэнтропийном процессе, структурализации и эволюции. Известно, что движение от хаоса к упорядоченности – содержание процесса развития – включает в себя дифференциацию бытия, с которой неразрывно связана его иерархизация (ключевая проблема для понимания феномена элиты и элитного). Как известно, особенность систем – их устойчивая способность к саморегуляции, предотвращению или минимизации возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Общая теория систем имеет предельно широкую область применения. Любую систему можно представить как определенную целостность, состоящую из элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, составляющих определенное единство; причем можно

выявить иерархию этих отношений, их субординацию (каждый элемент системы может рассматриваться как подсистема, т.е. система более низкого порядка). Несомненная связь элитологии с синергетикой (которую можно рассматривать как пролегомены к элитологии или, точнее, как ее метатеорию). Синергетику, в развитие которой огромный вклад сделал И.Р. Пригожин, можно назвать наукой об универсальных закономерностях развития сложных динамических самоорганизующихся систем, причем последние претерпевают резкие изменения состояний в периоды нестабильности. В синергетической парадигме развитие есть смена стабильных состояний системы короткими хаотическими периодами (бифуркациями), обуславливающими переход к последующему стабильному состоянию, причем выбор носит вероятностный характер и происходит в точках бифуркации. *Именно в эти периоды в социальных системах наиболее вероятны элитогенез, а также смена элит.*

В предельно широком толковании элитология – это своего рода метатеория по отношению к социальной элитологии, которая, собственно, и есть предмет ее исследования. И последняя не есть экстраполяция на общество законов космоса или биологии. Про социальную элитологию мало сказать, что она специфична, она существенно отличается от иерархизации в природе (макро- и микрокосмосе), ибо она – субъектна, ее законы реализуются через активную деятельность людей, законы общества не являются просто продолжением или частным случаем законов природы. Общество – часть материального мира, в отличие от природы она субъектна.

Однако не будем бесконечно расширять предмет элитологии, чтобы не потерять ее специфику. Пожалуй, гораздо точнее будет сказать, что элитология в широком смысле *основывается* на учении о системности бытия, (на общей теории систем), его дифференциации и иерархизации, на законах термодинамики (энтропии и негэнтропии), синергетике. Указанные области знания сами по себе не раскрывают специфики элитологии, они только указывают на те установки и принципы, от которых отталкивается элитология, на которых она основывается.

В сложных динамических системах можно выделить управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации – важнейший момент, объясняющий проблему элиты и элитности. Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют биологические и, разумеется, социальные системы, причем последние, собственно, и являются специфическим предметом рассмотрения элитологов. Отметим, что одним из основателей подхода к обществу как к системе, находящейся в состоянии динамического равновесия, был классик элитологии В. Парето.

Элитологию можно рассматривать как науку об основаниях социальной дифференциации и стратификации, точнее, как науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении (на совершенствование системы, на ее прогресс). Поэтому к элитам относятся наиболее динамичные, пассионарные элементы общества, это часть общества, состоящая из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которая занимает ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы. Элита является той референтной группой, на ценности которой, считающиеся образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или в иных социальных ситуациях (обычно кризисных) – наиболее активные элементы населения, являющиеся инновационными группами. Таким образом, элитология – это наука об элитах и элитном, наука об основаниях дифференциации общества, о критериях этой дифференциации, ее легитимности, наука, исследующая систему ее ценностных ориентаций, элиты, ее социальные характеристики. Разумеется, она нуждается в разработке соответствующего категориального аппарата, в том числе определения понятий «лучший», «избранный».

Наконец, часто (прежде всего, в политологии) об элите говорится в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите. Именно эта составная часть элитологии стала (может быть, без достаточных на то оснований) наиболее важной, распространенной, «прикладной» частью элитологии, хотя это – лишь одна из многих элитологических дисциплин. В этом узком смысле предметом элитологии (точнее говоря, политической элитологии) является исследование процесса социально-политического управления, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержания этой власти, легитимизации ее как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

В структуру предмета элитологии непременно входит история развития знаний об элитах, т.е. история элитологии. В центре предмета элитологии находится исследование ее законов – законов структуры (строение элиты, связь между ее элементами, которые обычно являются подсистемами элиты как целостной системы – политическая, культурная, военная и др.), законов функционирования элит, взаимодействия элементов системы, зависимостей между различными ее компонентами, роли, в которой каждый из этих компонентов выступает по отношению к элите как целостному феномену, законов связи и субординации элементов системы, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на другой, обычно более высокий, к новому типу связей внутри этой системы.

В сложных динамических системах можно выделить управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации – важнейший момент, объясняющий проблему элиты и элитности. Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют биологические и, разумеется, социальные системы, причем последние, собственно, и являются специфическим предметом рассмотрения элитологов.

Известно, что особенность систем – их способность к саморегуляции, предотвращение или минимизация возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Другая особенность систем – их иерархическая структура, в которой качество целого несводимо к свойствам составляющих ее элементов. Система как иерархическая структура, как целостность «задает» программу функционирования ее элементов, (причем саморегуляция биологических систем, в частности, популяции, происходит не на уровне особей, составляющих популяцию, а на уровне популяции как целостности, а в обществе – не на уровне индивидов, а на уровне социума, причем выделение элиты – элемент эволюции социальных систем на определенном этапе их развития, направленный на уменьшение энтропии; главное для элиты – удерживать социальную систему в состоянии равновесия, давать ей импульс к динамическому развитию).

Элитологию можно рассматривать как науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении (на совершенствование системы, на ее прогресс). Элита – референтная группа, на ценности которой, считающиеся образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или в иных социальных ситуациях (обычно кризисных) – наиболее активные, элементы населения, являющиеся инновационными группами. Таким образом, элитология – наука об элитах и элитном, наука об основаниях дифференциации общества, о критериях этой дифференциации, легитимности этой дифференциации, наука, исследующая по-

ведение элиты, систему ее ценностных ориентаций. Разумеется, она нуждается в разработке своего категориального аппарата, понятий «лучший», «избранный».

Наконец, часто (прежде всего, в политологии) об элите говорится в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите. Именно эта составная часть элитологии стала (может быть, без достаточных на это оснований) наиболее важной, распространенной, «прикладной» частью элитологии, хотя это – лишь одна из многих элитологических дисциплин. В этом узком смысле предметом элитологии (точнее говоря, политической элитологии) является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержание этой власти, легитимизации ее как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

В структуру предмета элитологии непременно входит история развития знаний об элитах, т.е. история элитологии. В центре предмета элитологии находится исследование ее законов – законов структуры (строение элиты, связь между ее элементами, которые обычно являются подсистемами элиты как целостной системы – политическая, культурная, военная и др.), законов функционирования элит, зависимостей между различными ее компонентами, роли, в которой каждый из этих компонентов выступает по отношению к элите как целостному феномену, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на другой, обычно более высокий.

Элитологический тезаурус. Как становящаяся наука элитология нуждается в осмыслении и уточнении своего понятийного аппарата, в разработке общей теории и методологии, переводе теоретических понятий на операциональный уровень, развороте эмпирических исследований элит, сравнительных элитологических исследований.

Начнем с различения таких понятий, как элитология, элитизм, элитаризм. Смешение этих терминов – это результат того, что элитология зарождалась как элитаризм, а ее теоретики были выразителями интересов тех слоев населения, из которых и рекрутировались члены элиты и которые выступали идеологами и апологетами этих слоев.

Элитаризм – это концепция, исходящая из того, что разделение общества на элиту и массу – норматив социальной структуры, атрибут цивилизации. Элита в данном понимании – страта, являющаяся в большей или меньшей степени закрытой, члены которой не приемлют или презирают нуворишей. Таким образом, элитаризм – аристократическое и глубоко консервативное мировоззрение. Соответственно, сочинения его сторонников – рефлексия по поводу той самой высшей социальной страты, к которой они относятся или на ценности которой ориентируются.

Элитизм – явление, близкое к элитаризму, но не тождественное ему. Принимая в качестве исходного постулата ту же дихотомию «элита – масса», его сторонники, однако, не относятся к массе с откровенным презрением (что характерно для таких элитаристов, как Ф. Ницше), они более либеральны, они могут с уважением относиться к массе и признавать ее права на место «под солнцем». В их понимании элита не должна быть закрытой стратой общества, а напротив, открытой для наиболее способных выходцев из незлитных слоев, в том числе и из социальных низов. Обычно они признают законным и даже желательным высокий уровень социальной мобильности. Любое общество подвержено социальному расслоению, которое вызвано неравным распределением способностей; в конкурентной борьбе за элитные посты побеждают функционально более подготовленные к управленческой деятельности. Для элитистов характерен меритократический подход к элите.

Наконец, элитология – наиболее широкое понятие, объединяющее всех исследователей элиты, независимо от их методологических установок и ценностных предпочтений, включая и сторонников эгалитарной парадигмы, для которой наличие элиты – вызов фундаментальной ценности общества – равенству. Среди эгалитаристов есть сторонники грубой уравнительности, вплоть до полного имущественного равенства, эгалитаристы, для которых невыносимо, чтобы среди «равных» находились такие люди, которые, по выражению Дж. Оруэлла, «более равны, чем другие». Но значительно большее число эгалитаристов выступают как борцы за «справедливость», под которой они обычно понимают более адекватную систему социального неравенства, обосновывают допустимость определенной степени неравенства в соответствии со способностями и, главное, заслугами людей, их вкладом в развитие общества, т.е. демонстрируют элементы меритократического подхода.

Большинство исследователей элиты исходят из того, что элита является определяющей силой исторического процесса, его субъектом. Такой подход таит в себе достаточно произвольное постулирование. Чтобы избежать смешения различных трактовок элиты и ее роли в развитии общества, мы и вводим различение таких понятий, как элитология, элитаризм, элитизм. Подобное различение помогает, в частности, избежать распространенной ошибки, особенно свойственной американским политологам, относящим выдающегося американского социолога Р. Миллса к элитаристам на том формальном основании, что он использовал дихотомию «элита – масса» для анализа политической системы США. Он не считал наличие властвующей элиты ни идеалом, ни нормой политической системы, справедливо полагая, что сосредоточение власти в руках этой элиты является свидетельством недемократичности этой политической системы. Являясь, несомненно, выдающимся элитологом, Р. Миллс не был ни элитистом, ни тем более элитаристом. Элитистская парадигма, объединяющая элитистов и элитаристов, включает тех социологов и политологов, которые (Л. Филд, Дж. Хигли) считают выделение элиты как субъекта социального управления и ее привилегированное положение законом общественного процесса, его нормативом. Но ведь элитолог, исследующий реально существующую элиту, может критически относиться к самому факту существования этого социального слоя, считая его угрозой для демократии; его идеалом социальной организации может быть самоуправляющееся общество, общество без элиты или общество, все члены которого возвысятся до уровня элиты, будут реальным субъектом, творцами исторического процесса. Что касается элитаристов и элитистов, то они считают подобные взгляды разновидностью социальной утопии, и наличие элиты для них – имманентный элемент цивилизованных обществ.

Структура элитологии включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политологическую элитологию, историю элитологии, элитологическую психологию, культурологическую элитологию, сравнительную элитологию, исследующую общие закономерности и особенности функционирования элит в разных цивилизациях, разных странах, разных регионах мира, элитное образование и элитопедагогику. Интересную классификацию элитологических дисциплин предлагает П.Л. Карабущенко. Помимо теоретической элитологии, он выделяет практическую и прикладную элитологию.

Философская элитология представляет собой наиболее высокий уровень обобщения в элитологии. Она обладает сложной структурой, и в ней можно выделить элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию, элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм.

Онтологическая элитология выявляет неоднородность, дифференциацию, иерархичность бытия. На этом уровне наиболее широко ставится проблема элитности и элитного. Отметим, что проблемы неоднородности и иерархизации бытия были в центре внимания античной (Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон) и средневековой философии (Августин Блаженный, Фома Аквинский), они обсуждались в философии Нового времени, в философии XX в. (Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет). Наиболее интересное в проблеме иерархизации общества – то, что лежит в ее основе – происхождение («элита крови»), капитал («элита богатства»), признание, связи – то, что входит в поня-

тие «предписанный статус», или иерархия личностных качеств, степень овладения человеком богатствами культуры, накопленной человечеством, личные достоинства, таланты, трудолюбие. Ортега считал основой элитизации индивидуума личностные качества. Элита для него – не те, кто считает себя выше всех, а те, кто относится к себе требовательнее, чем к другим, это элита ответственности. Элиту он видел не в высшем классе; для него деление на элиту и массу существует в каждом классе, в том числе и в группах, стоящих на верху социально-политической иерархии, в том числе и в группе интеллектуалов, где часто большинство составляют псевдоинтеллектуалы).

Процесс развития включает в себя дифференциацию и иерархизацию бытия, а с ней и выделение элитного. Особенно это относится к развитию сложных динамических систем, которое всегда сопровождается ростом их внутренней дифференциации, иерархизации, усложнения. Данная проблематика входит в предмет теоретической биологии. Развитие органических популяций сопровождается ростом их внутренней дифференциации, усложнением, иерархизацией; рост внутренних различий ведет к выделению наиболее совершенных особей, качества и свойства которых отвечают тенденциям системы (популяции) к ее развитию. Это более совершенные особи, их можно назвать элитными в системе популяции. Элитные элементы являются ведущим элементом в процессе естественного и искусственного отбора. В сущности, вся биологическая эволюция есть элитология живого, выявление лучших, наиболее приспособленных к условиям своего существования особей, вымирание менее приспособленных, превращение элитного в норму, выявление в популяции новой элиты и далее – новый виток спирали. Проблемой элитности занимается и социобиология, и евгеника. Известно, что Платон, экстраполируя процессы искусственного отбора на общество, явился теоретическим отцом евгеники, которая как целостное учение была сформулирована во второй половине XIX в. Ф. Гальтоном. Биология обращается к элитологической проблематике.

Элитологическая гносеология – это эзотерическая теория познания для «избранных», «посвященных», обладающих «божьем даром», здесь упор делается на оккультное знание, на интуицию и «озарение», четко обнаруживается различие между элитарным, отличающимся закрытостью, и элитностью. Элитарная гносеология. В период разложения первобытно-общинного строя и зарождения классового общества его стратификация основывалась не только на принадлежности к родовой аристократии, но и на приобщении к сакральным знаниям и таинствам, носителями которых была, главным образом, жреческая каста. Эти тайные знания составляли символический капитал протоэлиты, легитимизировали ее претензии на привилегированное положение в обществе. Элитарные эзотерические знания разрабатывались более трех тысячелетий, начиная от брахманов, индуистов, первых философских школ Древней Индии и Древнего Китая, «тайноведения», досократиков, иерархической «теории совершенства» Пифагора, платоновской концепции элитарного сознания (состояния умов, которые наиболее приблизились к миру идей), «эйдетического зрения» [2]. На пороге Нового времени элитарная эзотерическая гносеология развивалась теософией – мистическим богопознанием, раскрывающимся «избранным». Мейстер Экхарт (1575–1624) ставил задачу уяснения божественной премудрости, символически зашифрованной, познания самооткровения Бога. Для шведского мистика Э. Сведенборга (1688–1772) задача избранных мыслителей – постижение подлинных символов Слова Божия, прежде всего, «Пятикнижия», выявление символического соответствия между земным и «потусторонним». В XIX в. традицию теософии развивали Е.П. Блаватская (1831–1891) и ее последователи. Они стремились к синтезу религии, философии, оккультизма, опирались на традиции брахманизма, учения индуизма о карме, стремились установить тождественность всех религиозных смыслов, создать универсальную религию, ставя задачу достижения оккультного знания и сверхъестественных способностей, носителями которых являются «посвященные», овладевшие тайнами эзотерического знания. Развитию спекулятивного мистицизма в традициях теософии посвятил свои труды основатель антропософии Р. Штайнер (1861–1925). Этой мистической, ориентированной на оккультизм эзотерической теории познания можно противопоставить научную гносео-

логию (которую можно назвать элитной в смысле ее глубины, критического характера и открытости для критики), классическую теорию познания И. Канта.

Элитологическая философская антропология и элитологический персонализм – традиция, идущая от Конфуция, Пифагора, Платона к Н.А. Бердяеву М. Шелеру и Э. Мунье, обращающаяся к комплексному изучению проблем человека, уделяющая особое внимание вопросу о самосовершенствовании личности, восходящей по ступеням совершенства до уровня элитной личности. Модус человеческого существования есть возможность; человек – это проект (М. Хайдеггер), человек есть то, что он творит (А. Камю). Отсюда – его путь к самосовершенствованию, возможность выйти за свои пределы, возвыситься над ними (элитизация личности). Философскую антропологию можно рассматривать как выявление предельных значений, в которых может быть описана человеческая природа (равным образом может быть и поставлен вопрос об отсутствии этой фиксированной природы, т.е. понимание ее как пластичности), возможности выхода за эти пределы (что может пониматься как феномен элитизации личности). Из близких посылок исходит персонализм: личность – высший смысл цивилизации. Персонализм Н. Бердяева называют «эсхатологическим», но его можно по праву назвать и элитологическим персонализмом: личность – подобие Бога, она приобретает черты богоподобия в процессе творчества, тем самым реализуя свое призвание. Бердяев утверждал, что важнейшая характеристика человека – неудовлетворенность собой, стремление к преодолению своей ограниченности, к сверхчеловечности, к идеалу. Персонализм стремится создать педагогику, целью которой является пробуждение и развитие личностных начал в человеке, стимулирование самовозвышения личности, ее элитизации, т.е. элитопедагогику. В фокусе ее внимания – яркая, инновационная личность, субъект творческой деятельности.

Социально-философская элитология нацелена на поиск нормативного подхода к элите, который, пожалуй, наиболее соответствует этимологии термина «элита», требующего, чтобы к элите относились выдающиеся по своим моральным и интеллектуальным качествам люди. К этому подходу близка меритократическая концепция, утверждающая, что подлинная элита – это не те, кто волей рождения или случая оказался «наверху», но элита заслуг, ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, эрудиции, творческого потенциала.

Нет сомнения в том, что важное, можно сказать даже центральное место в элитологии принадлежит *социологии элиты* (при этом напомним, что предмет элитологии шире, чем предмет социологии элиты, они соотносятся как целое и часть). В отличие от философско-социологического подхода, ориентированного преимущественно на нормативность, социология элиты делает упор на исследование реальных элит. Известно, сколь важное значение в социологии уделяется анализу социальной структуры и социальной мобильности (групповой и индивидуальной), причем особый интерес вызывает восходящая мобильность, изучение механизмов рекрутирования элиты. Отвлекаясь по возможности от морализаторских оценок, она выявляет элиту в обществе и в различных социальных группах по таким критериям, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях. Упор обычно делается в традициях М. Вебера – на статусный подход, связанный с притязаниями на престиж и привилегии, с распределением символического почета. Особый интерес для элитологии в этой связи имеет проблема предписанного статуса, связанного с унаследованными факторами, с социальным происхождением, расовой и национальной принадлежностью, и статуса, основанного на личных достижениях. Первый играет определяющую роль в обществах с закрытой элитой, второй – с открытой. Среди социологических методов исследования элит важнейшее место занимает метод эмпирических исследований. В социологии широко применяется статистический метод выявления элиты, предложенный В. Парето.

Признавая важную роль социологии элиты в структуре элитологии, мы хотели бы вместе с тем возразить ряду социологов, считающих, что элитология как самостоятельная дисциплина не нужна, что социология элиты покрывает всю элитологическую проблематику. Претендуя на решение всех проблем элитологии в рамках со-

циологии, они демонстрируют таким образом своего рода «социологический экспансионизм». Будучи относительно молодой наукой (по сравнению с философией, историей), социология вынуждена была, выявляя свой объект и предмет исследования, «отвоевывать» себе территорию у других, уже сложившихся ранее дисциплин. То, что существует и плодотворно развивается социология элиты, вовсе не означает, что элитология не нужна, подобно тому, как социология культуры не отрицает и не подменяет культурологию, а социология политики не подменяет политологию.

Как показывает науковедческая статистика, из всех разделов элитологии наибольшее число исследователей привлекает политическая элитология. Внимание к этой проблематике – ответ на широкий общественный интерес к ней, на социальный заказ, на потребность понять, кто является основным субъектом политики – народные массы или узкая элитная группа, понять, кто стоит за важнейшими стратегическими решениями, влияющими на судьбы миллионов людей, на вопросы войны и мира, кто эти люди, по праву ли они занимают свои позиции, насколько квалифицированы они решают политические проблемы. Особый интерес вызывают сравнительные исследования различных типов элит, анализ отношений политических элит и народных масс, возможности оптимизации этих отношений, проблемы политического лидерства. Значительной, причем растущей отраслью политической элитологии является исследование региональных политико-административных элит в различных странах мира (отметим в этой связи, что только в постсоветской России по этой проблематике проведено более двухсот исследований).

Определенные разделы элитологии исследуют экономические, культурные, религиозные, военные и иные элиты. Поскольку практически каждая сфера человеческой деятельности имеет свою элиту, если мы попытаемся перечислить различные элиты, это нам не удастся, мы уйдем в бесконечность. В каждом из разделов элитологии, наряду с их спецификой, можно вычлениить определенные общие закономерности, создать общую теорию, методологию элитологии, которая «работает» во всех этих специфических областях, своеобразно в них преломляясь.

Мы начали обзор структурных элементов элитологии с тех, которые в последние десятилетия мало привлекают внимание исследователей (с философской элитологии), а заканчиваем той, которая особенно интенсивно исследуется (политической элитологией). Хотелось бы несколько подправить этот дисбаланс, обратив внимание элитологов на слабо освещенную в литературе, причем фундаментальную проблематику философской элитологии, которая представляет собой ту основу, на которой строится общая теория элитологии, ее метатеорию.

Библиографический список

1. *Ашин Г.* Мировое элитное образование / Г. К. Ашин. – М., 2008.
2. *Ашин Г. К.* Элитология: история, теория, современность / Г. К. Ашин. – М., 2010.

«ИДЕЯ ЭЛИТЫ» И ЕЕ «ТЕНЬ»

П.Л. Карабущенко
(Россия, Астрахань)

Аннотация. *Выведенная еще Платоном формула соотношения реального и идеального работает до сих пор и может быть успешно применена в социокультурных исследованиях. Почему практика оказывается беднее идеи, почему элитное по форме оказывается квазиэлитным по содержанию? Эти вопросы носят фундаментальный характер, и от их решения зависит не только конфигурация власти, но и качество самого гражданского общества.*

Annotation. *The formula of a parity of real and ideal deduced by Platon works till now and can be successfully applied in sociocultural researches. Why does practice appear to be more poorly than the idea? Why does elite in form appear to be quasyelite in its con-*